Автор: Автор: Зиневич А.; Автор: Гнездилов А.В.; Автор: Власенко И.

Интервью о конгрессе с А.В. Гнездиловым (Доктором Балу) (Санкт-Петербург)

Анастасия Зиневич. Андрей Владимирович, добрый вечер.

Андрей Гнездилов. Добрый вечер.

А.З. В середине мая этого года мы были с Вами на Конгрессе по экзистенциальной терапии в Лондоне. Первое, что мы посетили, был преконгрессный воркшоп Наймера по нарративной интеграции переживаний утраты. Мы тогда спрашивали Наймера, может ли он привести статистику суицида в результате непрожитого, не перенесенного горя. Он так и не ответил. Вы тогда сказали, что он замечательный актер. Он очень живо представлял в лицах своих клиентов. Каково Ваше впечатление от его презентации?

А.Г. Честно говоря, когда человек рассказывает о своих исследованиях, я всегда отношусь к этому несколько настороженно, потому что я знаю массу теорий, которые работали в руках их авторов, но как только они попадали к другим исследователям, то весь их шик и лоск улетучивались. Субъективность подачи материала со стороны самого исследователя бросается в глаза. Даже когда мы говорим об относительно общих истинах, то каждый видит истину со своей стороны. Это как в притче, где слепцы должны были описать слона. У меня ощущение такое, что скрещение опытов Востока и Запада не всегда плодотворно. Поэтому что мы говорим о разных вещах, используя одни и те же слова.

А.З. Получается, мы на конгрессе были представителями Востока, а они — Запада?

А.Г. Получается, что так. Когда несколько человек выступали в том же ключе, что и Наймер, они говорили о вещах, которые, как мне кажется, для нас более понятны, чем для них. Когда Алексейчик задал кому-то вопрос...

А.З. Альфриду Лэнгле? Да, Алексейчик спросил у Лэнгле, где он поместил бы себя на шкале от неверия до веры: «неверие—уверенность—доверие—вера «в»—вера кому-то». На что Лэнгле отказался отвечать, сказав, что избегает слова «вера» и что для него главное — открытость сердца реальности. Но так как он ушел от ответа, получается, что он не принял часть реальности в виде Алексейчика и, следовательно, не был открыт.

А.Г. Мы все говорили каждый о своем. И это перетягивание каната — совершенно не имело смысла. У каждого свой опыт, своя терминология, свое понимание. Я могу поверить ему, что он достаточно честный исследователь, но согласиться с тем, что я, к примеру, неправильно понимаю термин сознание, я не могу... Я понимаю так со своей колокольни: когда мы имеем дело с сознанием, мы еще можем найти общие точки соприкосновения. Когда же мы говорим о подсознании, или о том, куда отнести предкоматозные состояния, когда человек умирает и у него вдруг проясняются какие-то каналы, и он видит события, которые происходили за 300 км от места его нахождения, но в деталях совпадало абсолютно все с тем, что действительно происходило. К какой части сознания отнести вот это подсознание? Верхней? Нижней? Боковой? Слева, справа?

Это только слова-слова-слова. И каждый употреблял их с таким апломбом, что невольно затыкал рот другим. Я думаю, Лэнгле не стал отвечать на вопросы не только потому, что он обиделся, будто кто-то усомнился в его правоте. Просто у него совершенно другой мир, он другие понятия использует. Для меня было важнее вообще видеть человека, а то, что он говорил, уже было не так важно.

А.З. И как Вам Лэнгле?

А.Г. Я бы его вылепил с удовольствием. Была такая наука — физиогномика, которая сопоставляла черты человеческого лица с животными. У кого-то баранье лицо. Или смотришь — и видишь лицо акулы.

А.З. У нашей группы были особые надежды на конгресс. Что что-то исключительное должно было произойти...

А.Г. Не знаю... Исключительное — это создать сообщество экзистенциалистов.

А.З. Сейчас по итогам конгресса создается сразу два таких общества: Всемирное и Европейское.

А.Г. Это хорошо, конечно, но нужно оставить, на мой взгляд, мировоззрение каждого. Не сталкивать их лбами, а постараться уместить в равной мере и одних, и других. Мне казалось, что у Запада все время то ли какая-то обида, то ли притязания, не поймешь почему. Они все время боялись, что их ущемляют, толкуют неправильно, что у нас иной подход к работе с больными, что мы используем грубую силу или насилие. Судя по тем двум женщинам, участницам группы А.Е. Алексейчика, которые считали себя страшно обиженными, дескать, нельзя с ними так грубо обращаться...

А.З. Может быть, здесь корень наших разногласий?

А.Г. Когда больного оглаживают — он вначале поддается этому, ему становится все лучше и лучше при каждой встрече с врачом. Но это переходит в привычку. Больной привыкает к позиции вечного пациента. Когда процесс лечения для него заменяет саму жизнь. Плохо, что мы не придаем важнейшего значения взаимоотношениям врача и больного.

А.З. Почему-то обязательным считается формат безличных взаимодействий терапевта и клиента, в которых терапевт дистанцируется и от личности клиента, и от своей собственной.

А.Г. Поэтому иногда полезна даже активно-провоцирующая позиция врача, когда он вызывает у человека состояние агрессии. Благодаря этому он выскакивает из того стереотипа, когда его оглаживают. Мы обращаемся к аффективной логике, начинаем говорить на повышенных тонах, не соглашаясь друг с другом. А потом понимаем, что увлеклись. И не понимаем: а чего мы бьемся? И мы начинаем смеяться, испытывать симпатию друг к другу. Мы вторглись в личностное пространство друг друга. Поначалу наше желание было вытолкнуть другого, но когда поняли, что вот сейчас вытолкнем его — вдруг находим: ну и хорошо. Мы соприкоснулись. Мы познали — пускай негативный опыт, но опыт всегда остается опытом. Тут другая мера и отношений, и лечения. И по сути дела, здесь происходит трансформация: мы уже вместе пытаемся выяснить общую истину.

А.З. Если я правильно поняла Вас, то главный лечебный фактор — личность психотерапевта, его действительное желание во что бы то ни стало помочь. Такое активное вмешательство кажется западным психотерапевтам не совсем «политкорректным».

А.Г. Помните самый впечатляющий скандал, когда две девицы в истерике забились. Одна упала в обморок, и потом вторая начала осуждать ее, и это тоже перешло в истерику. Два истерических припадка. Это меня очень впечатлило.

А.З. Это оказалось продуктивно.

А.Г. Ну да, после этого все любили друг друга и понимали. Алексейчику грозили, потрясая пальцем: Вы не имеете права, это Сибирь, это ГУЛАГ

А.З. Он сказал, что сейчас начнется принудительное лечение, но ведь это были только слова. Иностранные коллеги сразу подняли восстание в защиту юного пациента Алексейчика. На самом же деле Алексейчик, сказав свою грозную фразу, достал книжечку «Дети пишут богу» и дал почитать. От иностранных коллег прозвучала претензия к нам, что мы не интересуемся тем, комфортно ли клиенту.

А.Г. Почему должно быть комфортно? Если человек приходит к нам, для него важен сам факт, что его вытянут из проруби, куда он провалился, а не то, что мы прежде снимем шляпу, представимся, а потом протянем руку, чтобы вытащить его. Мне кажется, мы находили больше взаимопонимания не с европейскими школами, а с латиноамериканцами.

А.З. Помните, на третий день конгресса мы пошли на Лэнгле...

А.Г. Он рассказывал о Франкле. Мне это тоже ничего не открыло, ну хорошо, он его последователь. Я ожидал услышать, как он развил Франкла и нашел какое-то особое применение его методикам.

А.З. Потом мы были на его «показательной терапии» — все это походило на театр. Потом оказалось, что Лэнгле предложил участникам изображать своих клиентов. И мы, не выдержав, ушли на доклад Алексейчика про Достоевского. Но Алексейчик про Достоевского говорить не стал. С ним сидели мексиканцы и очень позитивно воспринимали происходящее. Дружески хохотали. Хотя остальные были сконфужены, не получив ожидаемого Достоевского. А еще мы ходили на семинар: «Есть ли жизнь после пенсии».

А.Г. Да. И выходило, что нет.

А.З. Докладчик был в белых одеждах, но ходил петушиной походкой. Он обласкивал человека, идя рядом и заглядывая ему в лицо... Пантомима была изумительная. И Вы сказали, что он похож на Мефистофеля.

А.Г. Мне кажется, что главный камень преткновения возникал, когда западные коллеги пытались говорить о духовности. Вопрос этот освещен в России больше, чем где бы то ни было. Но увы, на Западе не знают опыта русской православной культуры, Добротолюбия, духовного опыта старцев. Насколько я понял, они вообще не могут определенно сказать, что подразумевают под понятием духовность. А для нас это достаточно емкое понятие, характеризующее личность человека.

А.З. Когда их спрашиваешь, во что вы верите, они одинаково отвечают: то, во что я верю или не верю — не должно влиять на клиента. Придет ли к нам верующий или неверующий, это не важно — все должны быть одинаковыми для нас. Они настораживаются, если в терапии используются религиозные мотивы. Дескать, ни в коем случае нельзя ничего навязывать.

А.Г. А разве это не навязывание, когда запрещают навязывать? Почему я должен скрывать собственное восприятие и свои убеждения? Почему мы должны умалчивать об одной из важнейших сторон культуры — о религиозности? Почему нужно отсекать ее от науки?

А.З. На третий день конгресса на семинаре, посвященный проблемам духовности, был один докладчик. Он рассказывал про некую лестницу духовности, где религиозная, христианская духовность была на шестой ступени из девяти. Низшей была «архаическая духовность», а высшей — «плюралистическая духовность». Выходит, что религиозная духовность не должна быть вершиной этой лестницы. На вопрос, где он располагает на этой лестнице себя, он сказал, что даже не думал об этом. О себе лично они остерегаются говорить что-либо определенное. На презентации театра Ирины Ивановны был человек, который избегал участия, и мы назначили его рабочим сцены. И когда он уходил одним из первых, он сказал, что пошел работать феноменологическим психотерапевтом, чтобы максимально снизить свое участие в жизни. Пациент говорит, он его слушает, задает исключительно проясняющие вопросы и остается как можно больше в тени.

А.Г. Мне недоставало цельной концепции. Что понимают под методом экзистенции? Что надо делать? Наблюдать за собой, быть честным — или доверять какому-то своему подсознательному голосу или убеждению... Может быть, нужно было дать всем два часа, и пускай каждый напишет сочинение — что он понимает под экзистенциализмом. Вот они говорят, что должна быть реальность, ну хорошо, реальность, а кто поручится, что это — реальность? А не нечто противоположное? Мы ведь себя принимаем за реальность. А откуда мы знаем? Я почему все время черпаю глубокие мысли у Гераклита? Ведь так сложно сказать, как отделяется от бодрствования сон. Как объяснить это состояние сознания, когда в последние минуты жизни, перед уходом, в течение минуты проносится вся жизнь перед человеком. Все, чем он жил, для чего жил, как жил, смысл жизни... Значит, время как-то растягивается. Реальность... Думаю, что разум природы, подсознательный, молчаливый, или говорящий на другом языке — явно будет противостоять человеческим концепциям сознания.

А.З. Т.е. если бы природа обрела голос, наши концепции о природе разрушились бы?

А.Г. Конечно. И о человеке тоже.

А.З. А как бы Вы ответили на вопрос, что такое экзистенциализм?

А.Г. Это сочетание внутреннего духовного опыта, который передан нам нашими предками, и теперешнего опыта нашей жизни. С позиции уже продвинувшихся умов мы оглядываемся на своих предков, которые засеяли это поле, и понимаем, что и они правы, и мы правы, только в разное время живем. Истины развиваются, меняются, и происходит какое-то движение, осознание.

А.З. И как же можно помочь человеку добраться до реальности? Часто человек живет в чем-то придуманном.

А.Г. Есть выражение «мысль изреченная есть ложь». Если ты поймаешь себя за язык в тот самый момент, когда формируется какая-то мысль в тебе — то что это: реальность или не реальность? Люди живут каждое мгновение жизни, и как вычленить из нее жизнь разумную и неразумную, правильную и неправильную? Алхимики специальное зеркало создавали для того, чтобы проверить, насколько человек истинно видит события, в том ли свете, в каком они происходят или происходили. Золото, которое они хотели получить в результате своих опытов, понималось не как металл, а как мудрость.

А.З. Сейчас говорят, что каждый живет в своем мире, и в этом есть опасность утратить ориентир: где находится истина.

А.Г. А кто даст гарантию, что мы в данный момент правы? Или не правы? С точки зрения человека, которого мы осуждаем, он будет защищаться и утверждать истину, которую он видит. А общество не прощает ему этого. Оно либо ревниво выдирает из его рук его учение, достижение, либо заставляет его слепо поклоняться чему-то одному. Если же человек пытается обороняться, он становится мушкетером, а не мудрецом.

А.З. Вы очень живо реагировали на доклад одной из организаторов конгресса Эмми ван Дорцен. Она пела дифирамбы тревоге, дескать, какую пользу она приносит, если ее правильно использовать и направить на достижение цели. Вы тогда удивились и сказали, что даже если тревогу направить куда-то, это проблему не решит. И что человеку на самом деле нужен внутренний покой. Тревога — это не энергия?

А.Г. Тревога — это замыкание энергии. Когда нарушается естественное течение потока, он, благодаря аффекту, меняет направление, сшибается с другим потоком. Тревога искажает суть вещей. Мы не поймем человека, если будем изучать только его тревогу. Нужно дать человеку возможность, пережив тревогу, увидеть за ней спокойное лицо или улыбку Будды.

А.З. Т.е. если придет человек с тревогой, и мы поставим цель перед ним — куда ее направить, то это не решит ничего?

А.Г. Тревога — как патология расценивается, особенно в психиатрии. Она основа бреда, галлюцинаторных переживаний.

А.З. Они нашли это у Кьеркегора. Мол, он одобрял ее.

А.Г. Может, есть тревога и тревога? Две разные тревоги? Можно так подумать.

А.З. Вроде как Тиллих разделял невротическую, психотическую и экзистенциальную тревогу. Последняя может быть плодотворной.

А.Г. Тогда не надо такого убийственного термина, как тревога. Выразимся осторожнее: беспокойство...

А.З. Экзистенциальное беспокойство, которое не дает усесться с готовыми истинами, а принуждает искать дальше, и напоминает нам, что мы конечны?

А.Г. Да-да. Сам поиск и есть учеба и проявление наших тенденций к развитию.

А.З. На конгрессе Вы выступали с воркшопом «Встреча со смертью: психотерапия путем обращения к экзистенциальному измерению Чудесного». Есть ли ощущение, что Вас поняли?

А.Г. Ко мне подходили, пытались выразить понимание и интерес к озвученным мной проблемам. Но у меня все время было ощущение, что все куда-то спешили — с одного семинара на другой. На протяжении всего конгресса меня не покидало это ощущение желания всех как-то показать себя, продемонстрировать, выступить на площади, — и лихорадочного ожидания, что вот-вот сейчас, хотя бы в конце что-то будет. И... ничего не было.

А.З. Вы еще тогда сказали, что динамический, тревожный образ жизни на Западе привел к тому, что они забыли, что такое внутренний покой и как он достигается. А у меня возникло ощущение, будто мы пытаемся найти свои ответы на непоставленные вопросы.

А.Г. Сами понимаете, каково это — ставить вопросы самому себе и отвечать на них. «Тихо сам с собою я веду беседу».

А.З. Семен Борисович нашел плюс, что мы впервые не пришли у них учиться, как это у нас принято при встрече с западными коллегами: «Научите нас, неразумных» — а приехали себя показать.

А.Г. А на нас не стали смотреть.

А.З. Кто-то все-таки посмотрел и ужаснулся. С. дю Плокк сказал Алексейчику, что если он хотел обратить на себя внимание, это можно было сделать диаметрально противоположным способом — не путем провокации, а стараясь понравиться. Тогда было бы больше толку.

А.Г. Мы, по-моему, тоже не ставили целью показать, что мы можем. Не это же входило в задачу конгресса. Но найти общие точки соприкосновения. А затем из этого огромного

океана всякой рыбы — вытащить нашу рыбешку, застолбить наш участок, соединившись естественно, и согласившись, и придя в согласие с самими собой.

25 августа 2015 г.
Запись расшифрована и отредактирована Анастасией Зиневич

И. Власенко (Ростов-на-Дону)

Оглядываясь на экзистенциальный театр в лондонских декорациях...
Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день...

Анна Ахматова

Мечта обрела реальные черты: поездка на I Экзистенциальный конгресс (World Congress for Existential Therapy) в мае 2015 года состоялась. Цель моего визита в Лондон была предельно локальной:
1. Быть вместе со Сказочником Балу (Андреем Владимировичем).
2. Быть рядом с Учителями (Семеном Борисовичем и Александром Ефимовичем).
3. Быть внутри Процесса (прежде всего — со своими российскими и украинскими коллегами).
Начну с третьего пункта: быть внутри... Неожиданным для меня оказалось то, что украинские психологи не получили визы (visa). Таким образом, визави (vis-a-vis — «лицом к лицу; друг против друга») — встречи «лицом к лицу» не произошло, осталось

буквальное «друг против друга» — и это было, как мне кажется, большой потерей для психологического сообщества в целом, не говоря уж о моем личном переживании: мечта сразу потускнела...

Да и моя собственная поездка была под большим вопросом до последнего момента. Вызовы коснулись всех четырех сфер бытия. Но опорой всегда, как известно, бывает СЛОВО, и в моем случае это не стало исключением. Такое слово — о значимости участия в конгрессе — когда-то я услышала от нашего руководителя Семена Борисовича Есельсона, а позднее произнесла сама в Linked in, вдохновляя себя и других на это важное для всех нас дело. Вот оно-то меня и держало при всех жизненных перипетиях, о которых и говорить не стоит, когда они уже позади...

Но стоит сказать о тех, кто был поддержкой и опорой, кто выручал, спасал, помогал на пути к Лондону и во время пребывания в нем. Это близкие люди. Моя семья: дочь и сын (с их семьями). Рисунок афиши для нашего театра, помощь в переводе документов на английский — это дочь Екатерина; материальная и моральная поддержка — это сын Сергей. Пример его моральной помощи: при отправлении поезда из Ростова в Москву я обнаружила, что забыты дома очки и телефон. Поезд уже отправлялся... Сын вернул меня из полуобморочного состояния, сказав следующее:

— Так! Мать, успокойся и посуди здраво: большую часть жизни ты прожила без очков и телефона. Уж одну-то недельку как-то без них обойдешься. Все будет хорошо!
Ну что тут возразить? Однако и здесь появляются помощники: Наташа Олейник и Наталия Патлань. Результат из взаимодействия сказочный: очки и телефон прилетели в Лондон раньше меня. Как? Это наша тайна. Обе Натальи опекали меня все время пребывания в Англии. Еще одному человеку, Евгению Усачеву, я особенно благодарна за его заботу обо мне — именно Женя неустанно помогал мне справиться с ориентацией во времени и пространстве. Правда, иногда я пыталась это сделать сама. Вот, к примеру, в Гайд-парке, готовясь к своей группе, я заблудилась. Обращаюсь к двум девушкам, идущим мне навстречу (съеживаясь внутри от виртуального испепеляющего взгляда моего ростовского учителя английского языка):

— Excuse me... how can... I... find a...a...a... way out... out... out... of this Park?
— А Вы вообще-то по-русски говорите? — спрашивает меня одна из них.

— Легко!..

Сказка наша не могла бы состояться без достойного ее перевода, который прекрасно осуществила Наташа Мирошниченко, а художник-полиграфист Екатерина Власенко сделала книжку, где каждая роль была напечатана на двух языках, чтобы артистам удобно было читать во время представления. А что бы я (мы все!) делали без Аси Зиневич, которая держала в руках (на двух языках!) всю информацию о конгрессе? Сообщая-напоминая-предостерегая-заботясь о каждом. Максим Поляков, Белла Городецкая, Евгения Клещенкова, Ольга Енина — эти люди не собирались в Лондон, но (будучи частью сообщества МИЭК) помогали тем, кто собирался. Немалую часть трудностей для большинства из нас представляла материальная составляющая путешествия. Помощь пришла неожиданно...

Долго не получалось, а за день до отъезда на конгресс мне вдруг удалось собрать в Ростове группу для репетиции сказки. Это было нужно прежде всего для того, чтобы попробовать в ограниченное время, за полтора часа (так указано в программе конгресса) попытаться сделать то, что происходит за время терапевтической группы (три дня по 8 часов). Конечно, задачи будут иными, но хотелось, чтобы и в данной миниатюре происходила реальная ЖИЗНЬ, а не мой РАССКАЗ о реальной жизни. Этот театральный вечер в ростовских декорациях стал прообразом театра в декорациях лондонских. Коллеги и друзья напутствовали меня, а при прощании двое из них, Татьяна Смирнова и Любовь Рыбалкина, вложили мне в ладонь деньги малые, но для меня необычайно важные. С этой только минуты я обрела полную уверенность в вероятности поездки. Сразу припомнилась светлая мысль из шведской сказки «Гвоздь из родного дома»: с малым, но дорогим для тебя можно преодолеть любые невзгоды и добиться поставленной цели. Забегая вперед, скажу: так и случилось. Спасибо всем, кто вовремя подставил плечо!

Пункт второй: быть рядом... Напряженный график работы не оставлял нам времени на глубокое совместное общение, но зато как дороги были те нечаянные мгновения Встреч, приветственные и ободряющие слова, обращенные друг другу! Само знание того, что ты здесь не один, помогало преодолевать робость, смущение, языковую неловкость (говорю про себя). Предметом особого веселья в нашей группе было комичное несовпадение по комфорту и уюту двух мест в Лондоне: места нашей работы и места нашего жилья. Скажу о первом: конгресс-центр Church Haus — Westminster, где проходили заседания, был великолепен! Светло, уютно, комфортно; учтены все мелочи для удобства в работе; все вежливы, внимательны и предусмотрительны! И это

замечательно! Со всем остальным (касающимся нашего быта) мы справились, как мне кажется, безболезненно: ободряя друг друга, потешаясь над собой в нелепой ситуации, вспоминая классическое: «если есть ради, переживешь любое как».

С волнением подступаю к пункту первому и основному... Быть вместе... Главным для себя я считала создание в лондонской группе такого театрального пространства, в котором бы терапевтическая сказка А.В. Гнездилова «Бал неслучившихся встреч» ожила. Чтобы автор увидел ее в действии, стал бы ее со-участником. За день до своего выступления я побывала в группе Андрея Владимировича, еще раз почувствовала атмосферу его волшебства, которое, впрочем, действовало на участников избирательно: кого-то осеняло своим крылом, а кого-то обходило стороной. И это было видно. Кроме того, я заметила еще один штрих, различающий работу ведущего в Англии и России: начало группы «размыто» — кто-то еще позволяет себе войти с опозданием (и значительным), зато конец может оборваться на полуслове, поскольку «недремлющий брегет» зовет к обеду. Это наблюдение мне пригодилось позднее, при ведении собственной группы. Наступало обычное для меня состояние: накануне группы волноваться, собирать впечатления последних дней, обдумывать их, перебирать давние воспоминания, связывать с сегодняшними, сравнивать. Я не знаю, для чего это мне нужно, как не знаю и того, с чем мне завтра предстоит встретиться... Прогулки в одиночестве по Лондону пригодились мне в работе: катерок на Темзе, колокольчик в сувенирной лавочке, Театр Ее Величества, величественные деревья в Hyde Park, а также мои лондонские размышления о Шекспире и Толстом — все это переместилось в театр и там ожило.

Вот, наконец, наш камерный зал заполнился людьми, двери закрылись, и я сказала о том, что мы начинаем наше путешествие по волнам Темзы в маленьком «театральном катерке». Обсудили правила безопасности: с бортов не выпрыгивать, дырку в днище корабля не сверлить, а быть активным у-част-ником группы, т.е. взять на себя часть ответственности за общее дело, начать жить прямо сейчас в тех условиях, которые эта самая жизнь нам предоставила. Время нашей жизни неприкосновенно, а задача такова: сделать все от себя (нас) зависящее, чтобы прожить ее достойно и полно. Вполне возможно, что и с-част-ливо, «тем более что жизнь короткая такая...» С тем и начали. «А те, с кем нам разлуку Бог послал, / Прекрасно обошлись без нас — и даже / Все к лучшему...» (А. Ахматова). Два переводчика помогали нашим зарубежным коллегам понимать происходящее.

Несколько слов о технологии (точнее — сердцебиении) экзистенциального театра. В чем

его суть? Я предложила представить литературных персонажей Шекспира, Сервантеса, Гете, Мериме, Гоголя... Эти писатели настолько гениально изобразили своих героев, что они легко возникают в нашем воображении, достаточно назвать имена: Отелло, Дездемона, Гамлет, Дон-Кихот, Мефистофель, Кармен, Манилов, Плюшкин... Мы узнаем их по внешним признакам: портрету, одежде, стилю. Мы узнаем их по характерам и манерам. Мы даже обобщаем черты каждого и можем перенести их на других людей, говоря о ком-то: он «ревнив, как Отелло», или «бескорыстен, как Дон-Кихот», или «скуп, как Плюшкин»... Так мы структурируем, втискиваем под готовый образец, оцениваем...

Другое дело — Толстой. Он не изображает своих героев, а ПРЕОБРАЖАЕТСЯ В НИХ. Возьмем хотя бы роман «Война и мир» (многие из зарубежных участников кивнули в знак того, что им знакомо это произведение). Для примера известное место — описание дуба. Это не Толстой его описывает, это он «поселяется» в своего героя Андрея Болконского и смотрит на дерево ЕГО ГЛАЗАМИ. Мир в романе постоянно преломляется сквозь душу каждого героя и «окрашивается» этой личностью. Так и живут миры Андрея, Наташи, Пьера, старого князя Болконского, Николая Ростова... — всех героев романа. Подведем итог: чтобы изобразить героя, Толстой изображает ЕГО МИР. У каждого своя непостижимая вселенная. Это очень похоже на экзистенциальный подход в психотерапии. Это очень близко для экзистенциального театра. Поверим Альберту Эйнштейну: «Игра — это высшая форма исследования», — и приступим к этой части встречи.

Хранитель Времени взял в руки лондонский колокольчик, и мы начали творить собственную жизнь в присутствии свидетелей этой жизни. Творить из подручного материала и с теми людьми, кого Бог послал нам в этот момент. Не каждый к этому был готов: страхи и защиты — грозные помехи. Но и деваться-то некуда на кораблике, жить приходится, но кто как может. Король нашелся сразу, а с королевами такая беда: их бывает много. Но потом остается единственно необходимая. Определились со всеми героями театра, включая звукооператора, художника-оформителя, работника сцены, декоратора, костюмера... Себе я всегда оставляю скромную и универсальную роль с названием Deus ex machina (лат. «Бог из машины»). Переодевание, просматривание своей роли в книжке (на двух языках).

Колокольчик, музыка, начало... Читать текст с листа и тут же играть впервые прочитанное непросто, и я не перестаю удивляться тому, как это всегда происходит. Когда мы все попадаем в «закулисье» (терапевтическая группа состоит из трех частей: «Фойе», «Театр», «Закулисье»), многие участники группы говорят о том, что, едва

коснувшись текста глазами, они уже живут в образе своего героя и теперь его взглядом оценивают происходящее, не столько размышляют, сколько чувствуют, доверяются интуиции — и все становится естественным. А разве всегда происходит попадание? Нет, конечно, и это тоже становится ценностью: разделить «мое» и «не мое». Иногда выясняется, что «не мое» так уже придушило «мое», что в нем жизнь еле теплится. Надо реанимировать. Недаром же российский прозаик Людмила Улицкая замечает: «Театр нужен для того, чтобы не сдохнуть от действительности».

Вернемся в нашу Сказку... Образ Королевы неоднозначный, сложный. Именно ей приходится проделывать трудный путь к самой себе. Дает ей судьба на это три попытки, и каждая встреча пытке подобна. Для Королевы все пронзительней становится мысль о том, что окружает ее иллюзорный, ненастоящий мир. Она платит за прозрение свою цену и вырастает одновременно. Разве не была она щедрой и сострадательной до этих встреч с собой? Была, но одно дело сострадание с целью собственной безопасности: побыстрее отвернуться от чужого горя, откупившись от него. Иное — истинное, действенное — сострадание, когда ради помощи другому готов собственное страдание даже усилить. Каждый участник имел возможность пройти свою часть Пути с Королевой...

В сказке есть место, где во время бала один из героев преподносит Королеве очень важный по смыслу подарок: сонет Шекспира. В первом чтении, без репетиций это очень трудно сделать, выйдет коряво, невразумительно, неестественно. Но ведь в экзистенциальном театре положено быть чудесам. Вот такое чудо и случилось: задушевно и трогательно прочел 26-й сонет на языке Шекспира(!) герой сказки, который оказался актером лондонского театра. Это стало одним из самых щемящих моментов нашей встречи и подарком для всех нас. Театр в лондонских декорациях завершился вальсом Георгия Свиридова к драме А.С. Пушкина «Метель», и это символично: в основе сюжета повести любовь и разлука, но в финале надежда на то, что счастье возможно. На языке музыки это звучит так проникновенно...

Мы снова сели в круг и новыми глазами посмотрели друг на друга. Было ясно, что времени нам не хватает. И к оставшейся для обсуждения четвертинке часа добавить бы еще столько же. Ася Зиневич предложила это группе, я уточнила, что если у кого-то есть неотложное дело, мы можем помочь, так как на нашем катерке в тайном месте есть спасательная шлюпка. Два человека с сожалением покидали нас, а многоопытный и бравый боцман Евгений Усачев благополучно доставил их «к берегу» и снова закрыл дверь. Обсуждение было не менее захватывающим, чем сама сказка. Отзвуки

«закулисья» я могу передать, предоставив слово некоторым свидетелям и участникам встречи...

Наталия Патлань:

Для меня время подготовки и само действие сказки — это была жизнь, причем священная. «Время нашей жизни священно», — именно такими словами Ирины Ивановны начался театр... Каждый из нас в свое время родился и каждый из нас в свое время умрет. Так и театр рождается, живет и умирает. Нам дано было всего два с половиной часа на такую жизнь. Казалось, что жизнь сжата в невероятно краткие промежутки, но я за это короткое время прожила не один год своей жизни. Еще мне это напоминало двухчасовое плавание на корабле, сойти самовольно с которого не представлялось никакой возможности. Я выполняла роль только звукорежиссера, ведь музыку для сказки подбирала моя дочь. В тот момент мне открылось, что и в жизни моя дочь задает музыку, задает тон, а я регулирую ее силу по мере необходимости. Так и в театре — мне необходимо было не только видеть, но и чувствовать актеров, регулируя силу звука. Я сильно расстроилась от того, что в первой сцене вовремя не включила звуки трубы. Труба — всегда сигнал чего-то нового, начинающегося. Аппаратура не сработала... запоздала. Я думала над тем, часто ли я опаздываю в своей жизни? Ведь время жизни священно, оно бесценно и безвозвратно. И, конечно, понимала, что не все в моей жизни вовремя, и что мне еще расти и расти до настоящего звукорежиссера. Чтобы знать и чувствовать моменты, мне необходимо учиться слышать тех, кто рядом, и слушать свое сердце.

Как мне было в этой жизни? Я была звукорежиссером жизни — своей жизни и жизни тех, кто со мной. Я чувствовала большую ответственность, оттого что где-то меня должно быть много, а где-то я должна служить лишь тихим и незаметным фоном; и все должно быть вовремя. Все это касается меня как жены, т.е. Королевы для своего Короля.

Меня испугали — или, скорее, протрезвили — слова Короля о том, что истинная встреча

происходит в истинной любви, что только в любви можно разглядеть другого. Я примеряла на себя роль Королевы. Именно в этой сказке она мне показалась самовлюбленной эгоисткой, увлеченной своей красотой, до момента тех жизненных встреч, которые произошли с ней здесь. Только сейчас она смогла увидеть болезни и преданность своего камергера и по-настоящему отблагодарить его за самоотверженное и пожизненное ей служение. Только сейчас в ней хватило великодушия помочь бедной нищенке, которую наверняка она и раньше видела, просто делала вид, что не замечает. Встреча с неродившимся сыном сильно потрясла меня. Только сейчас ей была раскрыта тайна фрейлины, которую она все же смогла простить и, проявляя любовь, подарить ее ребенку жизнь.

Сам автор Андрей Владимирович Гнездилов проживал свою сказку через жизни тех, кто доверился и облекся в роли и костюмы, привезенные им из Санкт-Петербурга в Лондон. Слезы на его глазах, его теплые рукопожатия в конце терапевтической группы говорили о том, что сказочные действа смогли воскресить добрые чувства участников, побуждающие их к истинным встречам в их жизни.

Ася Зиневич:

Это был Бал, танец Королевы, которая никого не видела, кроме себя, любуясь собой. И тут глаза ее открылись на правду своей жизни... и жизни окружавших ее людей.

Меня очень тронуло признание «отплывшего на спасательной шлюпке» участника, что он не привык присутствовать и участвовать в жизни. Даже в роли монтера сцены. И свою психотерапевтическую практику использует как оправдание такого не-участия. К нему приходят, он созерцает-обозревает чужую жизнь и не вмешивается, не вовлекается. А тут пришлось... И признание Короля, что здесь можно было разубедиться в правильности фразы Сартра: «Ад — это Другие». В самой пьесе растрогал образ нищенки. Как робко она просила подаяния. Удивило, почему Камергер был так скован и не смог до конца расслабиться и раскрыться, пуститься, например, со мною «в пляс». «Я — болен!» — объяснил терпеливо. Театр для меня это была — Сбывшаяся Встреча! И со всеми, кто в нем участвовал... И с теми людьми из моей жизни, которых я узнавала в героях пьесы... Мне видится, что мы представили Театр западным коллегам в максимально сконцентрированной “эссенции”, и то, чем они потом делились в

круге — показывает, какая работа, какая жизнь для них произошла... В нашем Театре время действительно уплотнилось, и в каждой Встрече Королевы — можно было узнать свое прошлое, настоящее и будущее. -И здесь, в Театре — время было обратимо.

Евгений Усачев:

Экзистенциальный театр в Лондоне состоялся... Еще до начала театра люди обращали внимание на то, что помещение было подготовлено для чего-то необычного, интересного. Что заходя в него понимаешь, что здесь другой мир, и что-то будет происходить не так, как там, за дверьми, как было раньше. Кого-то это пугало, кого-то интриговало — и он оставался. Другими словами, театр был театром, со своими декорациями, и он с самого начала вовлекал своим видом. Думаю, что если бы двери не закрыли на замок, то он бы заполнился так, что не было бы места даже для представления самой сказки. Обратил внимание, что как только Ирина Ивановна начала говорить в кругу, были «захвачены» не только сидящие в кругу, но и все сидящие за кругом. От самого начала до самого окончания был искренний интерес, увлекший всех в мир созданного Ириной Ивановной театра. Было здорово, что среди актеров были люди из других стран, т.е. театр в Лондоне получился и для русскоязычных, и для иностранцев. И времени хватило, чтобы все провести в быстром, скоростном режиме. Да, конечно, если бы было больше времени, было больше возможности уделить и обратной связи, и неспешному протеканию самой сказки.

Галина Сухова:

Помню отчетливую границу между улицами Лондона, коридорами, переходами Church haus — и вдруг... Волшебную атмосферу ставшей театром комнаты. Как в другой мир шагнула. Это из-за музыки, лица Наташи Патлань, освещенного сиреневым светом монитора, декоративного столика в центре комнаты. Хранитель времени Маша. В ней я чувствовала борьбу между необходимостью точно обозначить время и невозможностью прервать то важное, что происходило. Очень трогательный момент, когда Андрей Владимирович на просьбу Ирины Ивановны поправить, если что не так, ответил: «Не посмею». Моя роль. Что в ней хорошо для меня? Замечательно приносить хорошие вести. Хорошо, когда у меня за спиной Белый король, он точно знает, что такое хорошо, и я ему доверяю абсолютно, потому что и сама так думаю. И еще очень важно, что Белый

король, ну и Паж тоже, считают, что за хорошие дела следует награждать. Что возьму с собой? Опыт жизни в пространстве (театральном), которое я всегда считала чужим и закрытым для себя.

Анна Барышникова:

Я для себя сделала очень много открытий — многие вещи я подсознательно знала и понимала, но поскольку я юрист, то мне очень тяжело чувствовать (издержки профессии). Так вот, именно благодаря театру я прочувствовала и глубоко осознала многие вещи — например, что женщина может своими силами любого мужчину, даже пастуха, превратить в короля, и нет смысла этого короля ждать; что я, оказывается, могу быть кроткой и смиренной — и при этом сильной и милосердной, и сила человека именно в этом — в доброте и великодушии!.. Это был ни с чем не сравнимый опыт, благодаря которому можно поменяться самой и изменить жизнь к лучшему. Что больше всего меня тронуло? Наверное, мои собственные открытия, часть из которых я описала выше, а также то, насколько может поменяться внутренний мир человека, который примеряет на себя чью-то роль. Что возьму для себя? Я уже взяла — я меняюсь, я начинаю по-настоящему любить людей, в том числе и близких, чтобы помочь им вернуть/обрести себя настоящих...

Наталья Мосян:

...Второй тандем образовался у А.В. Гнездилова и И.И. Власенко. Волшебник и добрая фея, они дополняли работу друг друга, они показывали и рассказывали о чуде чудном... В этом небольшом зале не было свободных мест. Опоздавшие не могли попасть в зал, и только в замочную скважину в двери можно было наблюдать за действом и слушать о том, что там происходит. И так как я была в числе опоздавших, то я как раз видела еще много людей, которые хотели попасть, но я скромно всем указывала на записку с просьбой «не беспокоить».

Наталия Матвеева:

Я никогда бы не подумала, что встреча с экзистенциальным театром и одной из моих любимых сказок Гнездилова состоится в Лондоне. Я воочию увидела, что язык театра понятен всем без исключения, невзирая на возраст и страну проживания. Язык чудесной сказки, язык человеческих отношений — он всемирный. Благодарю Ирину Ивановну сердечно за эту встречу со сказкой и с жизнью. Я теперь точно буду ее ставить! Можно мне сценарий?..

Так завершился наш театр в Лондоне, завершились прогулки по великолепному, богатому, несравненному городу. Приближалось время возвращения на Родину. И чем очевиднее становились черты обратного пути, тем отчетливее вспоминалась мне статья А.Е. Алексейчика «Истоки» (в свежем номере журнала «Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия». 2/2014) и особенно одно место в ней, где рассказано о том, как отец повел его, уже опытного психиатра, к больному, и тот, увидев их, вскочил навстречу с мольбой: «Домоу... Домоу... Домоу...». Это про меня.